

Учебное пособие
для педагогических
институтков

ДРЕВНЯЯ
РУССКАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ДРЕВНЯЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ХРЕСТОМАТИЯ

Составитель профессор *Н. И. Прокофьев*

*Допущено Министерством просвещения СССР
в качестве учебного пособия
для студентов педагогических институтов
по специальности № 2101 «Русский язык
и литература»*

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ

а 82070/1
Тираспольская
центральная городская
БИБЛИОТЕКА

Москва «Просвещение» 1988

ЧИТАЛЬНЫЙ
ЗАЛ

ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ МУРОМСКИХ

Основа сюжета повести, видимо, сложилась во второй половине XV в. на основе двух устно-поэтических, сказочных мотивов — о герое-змееборце и мудрой девице, широко распространенных в фольклоре многих народов. Впоследствии, в связи с канонизацией Петра и Февронии в 1547 г., повесть подвергалась переработке, приспособляясь к житиям и обрастая дополнительными частями, хотя вопрос об исторических прототипах героев до сего времени остается открытым. Окончательно же она была написана в середине XVI в. известным публицистом Ермолаем-Еразмом. Повесть была весьма популярной, сохранилось более полутора десятка списков.

Текст повести печатается по списку XVI в., опубликованному в книге: Скрипиль М. О. «Повесть о Петре и Февронии» // Труды Отдела древнерусской литературы. — М.; Л., 1949. — Т. VII, со сверкой по новейшей публикации и исследованию Р. П. Дмитриевой «Повесть о Петре и Февронии». — Л., 1979.

Сеи убо в Руснестей земли град, нарицаемый Муром. В нем же бе самодржъствуяи благоверный князь, яко же поведашу, именем Павел. Искони же ненавидяи добра роду человеку, диавол всели неприазненного летящаго змиа к жене князя того на блуд. И являшеся ей своими мечты яко же бяше и естеством, приходящим же людем являшеся, яко же князь сам седяше з женою своею. Теми же мечты многа времена преидоша. Жена же сего не таяше, но поведаше князю мужеву своему вся ключьяся ей. Змии же неприазнивыи осиле над нею.

Князь же мысляше, что змиеви сътворити, но недоумеяшеся. И рече к жене си: «Мыслю, жено, но недоумеюся, что сътворити неприазни тому. Смерти убо не вем, како нанесу на нь. Аще убо глаголеть к тебе какова словеса, да въспросиши и с лестию* о сем: весть ли сеи неприазнивыи духом своим, от чего ему смерть хочет быти. Аще ли увеси* и нам поведашеши, свободишися не токмо в нынешнем веце злаго его дыханиа и сипения и всего скарядиа* еже смрадно есть глаголати, но и в будущи век нелицемернаго судию Христа милостива себе сътвориши». Жена же мужа своего глагол в серцы си твердо приемши, умысли во уме своем: «Добро тако быти».

Во един же от днии неприазнивому тому змию пришедшу к ней. Она же добру память при сердцы имея, глагол с лестию предлагает к неприязни той, глаголя многи иныя речи по сих с почтением въспросив его хваля, рече бо, яко «много веси, и веси ли кончину си, какова будет и отчего?» Он же неприазнивыи прелестник прелщен добрым прелщением от верныя жены, яко непщева танну к ней изрещи, глаголя: «Смерть моя есть от Петрова плеча, от Агрикова меча»¹.

Жена же, слышав такую речь, в сердцы си твердо сохрани и по отшествии неприазниваго того поведаша князю мужеву своему, яко же рекл есть змии. Князь же то слышав, недоумеяшеся, что есть смерть от Петрова плеча и от Агрикова меча, имеяше же у себя приснаго брата, князя именем Петра; во един же от днии призва его к себе и нача ему поведати змиевы речи, яко же рекл есть к жене его.

Князь же Петр, слышав от брата своего, яко змии нарече тезоиме-

¹ Агриков меч — меч, которым обладал сказочный богатырь Агрик.

нита ему исходатая смерти своей, нача мыслити не сумняся мужествене, како бы убити змия. Но и еще быше в нем мысль, яко не ведыи Агрикова меча.

Имеяше же обычан ходити по церквам уединяся. Бе же вне града церковь в женьстем монастыри Воздвижение честнаго креста. И прииде ту един помолитися. Яви же ся ему отроча, глаголя: «Княже! Хочеш ли, да покажу ти Агриков мечь?» Он же хотя желание свое исполнити, рече: «Да вижу, где есть!» Рече же отроча: «Иди во след мене». И показа ему во олтарной стене между керемидами скважню, в ней же лежаще мечь. Благоверный же князь Петр взем мечь той, прииде и поведа брату своему. И от того дни искаше подобна времени да убьет змия.

По вся же дни ходя к брату своему и к сносе своей на поклонение. Ключи* же ся ему приити во храмину ко брату своему. И в том же часе шед к сносе своей во храмину и виде у нея сидяща брата своего. И паки пошед от нея, въстрете некоего от предстоящих брату его и рече ему: «Изыдох убо от брата моего к сносе моеи, брат же мой оста в своем храму. Мне же, не косневшу ни камо же, пришедшу ко сносе моеи и не свем* и чюжуся, како брат мой напреди мене обретеса у снохи моеи». Той же человек рече ему: «Никако же, господи, по твоём отшествии не изыди брат твой из своей храмины». Он же разумев быти пронирыство лукаваго змия. И прииде к брату, рече ему: «Когда убо семо прииде? Аз бо от тебе из сея храмины изыдох, и нигде же ничесо же помедлив, приидох к жене твоеи в храмину и видех тя с нею сидяща и чюдився, како напреди мене обретеса тамо. Приидох же паки скоро семо, ты же не веи како мя предтече и напред мене zde обретеса». Он же рече: «Никако же, брате, ис храма сего по твоём отшествии не изыдох и у жены своей никакже бех!» Князь же Петр рече: «Се есть, брате, пронирыство лукаваго змия, да тобою ми ся кажет, аще не бых хотел убити его, яко непщуй* тебе своего брата. Ныне убо, брате, отсюду никакже иди. Аз же тамо иду братися съ змием, да некли* божиею помощию убиен да будет лукавыи сеи змии».

И взем мечь, нарицаемый Агриков, и прииде в храмину к сносе своей и виде змия зраком* аки брата си и твердо уверися, яко несть брат его, но прелестный змии, и удари его мечем. Змии же явися, яков же быше и естеством, и нача трепетатися и бысть мертв и окропи блаженнаго князя Петра кровию своею. Он же от неприазнивыя тоя крови острупе, и язвы быша, и прииде нань болезнь тяжка зело. И искаше в своем одержании ото мног врачей исцеления, и ни от единого получи.

Слыша же, яко мнози суть врачеве в пределех Рязаньския земли и повеле себе тамо повести, не бе бо сам мощен на кони сидети от великия болезни. Привезен же бысть в пределы Рязаньския земли и посла синклит* свои весь искати врачей.

Един же от предстоящих ему юноша уклонися в весь, нарицающую(ю)ся Ласково. И прииде к некоему дому вратом и не виде никого же. И вниде в дом, и не бе, кто бы его чюл. И вниде

в храмину и зря видение чудно: сидяше бо единая девица, ткаше красна, пред нею же скача заець.

И глагола девица: «Нелепо есть быти дому безо ушью и храму без очию!» Юноша же той не внят в ум глагола тех, рече к девице: «Где есть человек мужеска полу, иже zde живет?» Она же рече: «Отец и мати моя поидоша в заем плакати. Брат же мой иде чрез ноги в нави* зрети»¹.

Юноша же той не разуме глагол ея, дивляшеся, зря и слыша вещь подобную чудеси, и глагола к девице: «Внидох к тебе, зря ты делающую, и видех заець пред тобою скача и слышу ото устну твоею глаголы странны некаки и сего не вем, что глаголеши. Первые бо рече: «нелепо есть быти дому безо ушью и храму безо очию». Про отца же своего и матерь рече, яко идоша в заем плакати, брата же своего глагола «чрез ноги в нави зрети», и ни единого слова от тебе разумех!» Она же глагола ему: «Сего ли не разумеши, прииде в дом сии и в храмину мою вниде и видев мя сидящу в простоте? Аще бы был в дому наю пес и чюв ты к дому приходяща, лаял бы на тя: се бо есть дому уши. И аще бы было в храмине моеи отроча и видев ты к храмине приходяща, сказало бы ми: се бо есть храму очи. А еже сказах ти про отца и матерь и про брата, яко отец мой и мати моя идоша в заем плакати, шли бо суть на погребение мертвого и тамо плачют. Егда же по них смерть приидет, инии по них учнуть плакати: се есть заимованныи плач. Про брата же ты глаголах, яко отец мой и брат древолазцы суть, в лесе бо мед от древа берут. Брат же мой ныне на таково дело иде и яко же лести на древо в высоту, чрез ноги зрети к земли, мысля, абы не урватися с высоты. Аще ли кто урвется, сеи живота гонзнет*, сего ради рех, «яко идет чрез ноги в нави зрети». Глагола ей юноша: «Вижу ты, девице, мудру сущу. Повежь ми имя свое». Она же рече: «Имя ми есть Феврония». Той же юноша рече к ней: «Аз есмь муромьскаго князя Петра, служаи ему. Князь же мой имея болезнь тяжку и язвы. Острупленну бо бывшу ему о крови неприазниваго летящаго змиа, его же есть убил своею рукою. И в своем одержании искаше исцеления ото мног врачей и ни от единого получи. Сего ради семо повеле себе привести, яко слыша zde мнози врачевы. Но мы не вемы, како именуются, ни жилищ их вемы, да того ради вопрошаем о нею». Она же рече: «Аще бы кто требовал князя твоего себе, мог бы уврачевати и». Юноша же рече: «Что убо глаголеши, еже кому требовати князя моего себе? Аще кто уврачует и, князь мой дасть ему имение много. Но скажи ми имя врача того, кто есть и камо есть жилище его». Она же рече: «Да приведеш князя твоего семо. Аще будет мяхкосерд и смирен в ответех, да

¹ Ответы Февронии в форме загадок имеют параллели в устном народном творчестве. Ср. загадку: «Пришел жених к невесте, стал ее спрашивать: — Где отец? — Отец уехал сто рублей на пятак менять (псовая охота). — А мать? — А мать ушла займы плакать (по покойнику). Собрала бы я тебе, жених, пообедать, да обед-то у курицы под хвостом (яйцо)».

будеть здоров!» Юноша же скоро възвратися к князю своему и поведа ему все подробно, еже виде и еже слыша.

Благоверный же князь Петр рече: «Да везете мя, где есть девица». И привезоша и в дом той, в нем же бе девица. И посла к ней ото отрок своих, глаголя: «Повежь ми, девице кто есть, хотя мя уврачевати? Да уврачует мя и възмет имение много». Она же не обинуяся рече: «Аз есмь хотяи и врачевати, но имениа не требую от него прияти. Имам же к нему слово таково: аще бо не имам быти супруга ему, не тебе ми есть врачевати его». И пришед человек той, поведа князю своему, яко же рече девица.

Князь же Петр, яко не брегии словеси ея и помысли: «Како, князю сущу, древолазца дщи пояти себе жену!» И послав к ней, рече: «Рцыте еи, что есть врачевство ея, да врачует. Аще ли уврачует, имам пояти ю себе жене». Пришедше же, реша еи слово то. Она же взем съсудець мал, почерпе кисляжди* своя и дуну и рек: «Да учредятъ князю вашему баню и да помазует сим по телу своему, иде же суть струпы и язвы. И един струп да оставит не помазан. И будет здоров». И принесоша к нему таково помазание. И повеле учредити баню.

Девицу же хотя в ответех искусити, аще мудра есть, яко же слыша о глаголах ея от юноши своего. Посла к ней с единым от слуг своих едино повесмо* лну, рек, яко: «Си, девица хочет ми супруга быти мудрости ради. Аще мудра есть, да в сием лну учинит мне срачицу и порты и убрусець в ту годину, в ню же аз в бани пребуду». Слуга же принесе к ней повесмо лну и дасть еи и княже слово сказа. Она же рече слуге: «Взыди на пещь нашу и, снем з гряд поленце, снеси семо». Он же, послушав ея, снесе поленьце. Она же, отмерив пядию, рече: «Отсеки сие от поленца сего». Он же отсече. Она же глагола: «Взьми сии утинок* поленца сего и шед даждь князю своему от мене и рцы ему: «В кии час се повесмо аз очешу, а князь твой да приготовит ми в сем утинце стан и все строение, ким сочтется полотно его». Слуга же принесе ко князю своему утинок поленьца и речь девичю сказа. Князь же рече: «Шед рцы девицы, яко невозможно есть в такове мале древце и в таку малу годину сицева строения сътворити». Слуга же пришед сказа еи князю речь. Девица же отрече: «А се ли възможно есть человеку мужеска възрасту въ едином повесме лну в малу годину, в ню же пребудет в бани, сътворити срачицу и порты и убрусець?» Слуга же отоиде и сказа князю. Князь же дивлесея ответу ея.

И по времени князь Петр иде в баню мытися и повелением девицы помазанием помазая язвы и струпы своя и един струп остави непомазан по повелению девицы. Изыде же из бани, ничто же болезни чюяше. На утрии же узрев си все тело здорово и гладко, развие единого струпа, еже бе непомазан по повелению девичю. И дивляшесея скорому исцелению. Но не възхоте пояти ю жену себе отечества ея ради и послав к ней дары. Она же не приат.

Князь же Петр поехав во отчину свою, град Муром, здоровьствуяи. На нем же бе непомазан один струп повелением девичим. И от того

струпа начаша многи струпы расходитися на теле его от первого дни, в онъ же поехав во отчину свою. И бысть паки весь оструплен многими струпы и язвами, яко же и первые.

И паки възвратися на готовое исцеление к девицы. И яко же прише в дом ея, с студом* посла к пси, прося врачевания. Она же, нимало гневу подержав, рече: «Аще будет ми супружник, да будет уврачеван». Он же с твердостью слово дать ей, яко имать пояти ю жену себе. Сна же паки, яко и преже, то же врачевание дать ему, еже предписах. Он же въскоре исцеление получив, поят ю жену себе. Такою же виною* бысть Феврония княгини.

Приидоста же во отчину свою, град Муром, и живяста в всяком благочестии, ничто же от божиих заповедей оставляюще.

По мале же днии предреченный князь Павел отходитъ жития сего. Благоверный же князь Петр по брате своем един самодержец бывает граду своему.

Княгини же его Февронии боляре его не любяху жен ради своих, яко бысть княгини не отечества ради ея, богу же прославляющу ю добраго ради жития ея.

Некогда бо некто от предстоящих ей прииде ко благоверному князю Петру навадити* на ню, яко «от коегождо,— рече,— стола своего без чину исходит: внегода бо встати ей, взимает в руку свою крохи, яко гладна». Благоверный же князь Петр, хотя ю искусити*, повеле да обедует с ним за единым столом. И яко убо скончавшуся обеду, она же, яко же обычаи имеяше, взял от стола крохи в руку свою. Князь же Петр прием ю за руку и, развед, виде ливан* доброванныи и фимиам. И от того днии остави ю к тому не искушати.

И по мнозе же времени приидоша к нему с яростию боляре его, ркуще: «Хощем вси, княже, праведно служити тебе и самодержцем имети тя. Но княгини Февронии не хощем, да господствует женами нашими. Аще хощеши самодержьцем быти, да будет ти ина княгини. Феврония же, взял богатство доволно себе, отоидет, амо же хощет!» Блаженный же князь Петр, яко же бе ему обычаи, ни о чесом же ярости имея, со смирением отвеща: «Да глаголита к Февронии, и яко же речет, тогда слышим».

Они же, неистовии, наполнившиися безстудиа, умыслиша, да учредят пир. И сътвориша. И егда же быша весели, начаша простирати безстудныя своя гласы, аки пси лающе, отнемлюще у святых божии дар, его же ей бог и по смерти неразлучна обещал есть. И глаголаху: «Госпоже княгини Феврония! Весь град и боляре глаголють тебе: «дай же нам, его же мы у тебе просим!» Она же рече: «Да възмета, его же просита». Они же, яко единими усты, ркоша: «Мы убо, госпоже, вси князя Петра хощем, да самодръжьствует над нами. Тебе же жены наши не хотяхуть, яко господствуеши над ними. Возмем богатство доволно себе, отоидеши, амо же хощеши». Она же рече: «Обещахся вам, яко, елика аще просите, примете». Аз же вам глаголю: «Дадите мне, его же аще аз въспрошу у ваю». Они же злии ради быша, не ведуще будущаго, и глаголаша с клятвою, яко «аще речеши, единою без прекословия въземши». Она же рече:

«Ничто же ино прошу, токмо супруга моего князя Петра». Реша же они: «Аще сам възхощет, ни о том тебе глаголем». Враг бо наполни их мыслен, яко, аще не будет князь Петр, да поставят себе инаго самодержьцем: кииждо бо от боляр в уме своем дръжаше, яко сам хошет самодержец быти.

Блаженныи же князь Петр, не възлюби временнаго самодержавьства, кроме божних заповедей, но по заповедем его шествуя, держашеся сих, яко же богогласныи Матфеи¹ в своем благовестии вещает. Рече бо, яко «иже аще пустит жену свою, развие словеси прелюбоденнаго, и оженится иною, прелюбы творит». Сеи же блаженныи князь по евангелию сътвори: одержание свое, яко уметы* вмени, да заповеди божиа не раздрушита.

Они же злочестивии боляре даша им суды на реце, — баше бо под градом тем река, глаголемая Ока. Они же пловуще по реце в судех. Некто же бе человек у блаженныа княгини Февронии в судне, его же и жена в том же судне бысть. Тои же человек, прим помысл от лукаваго беса, възрев на святую с помыслом. Она же, разумев злыи помысл его, вскоре обличи и. Рече ему: «Почерпи убо воды из реки сиа с 'сю страну судна сего». Он же почерпе. И повеле ему испити. Он же пит. Рече же паки она: «Почерпи убо воды з другую страну судна сего». Он же почерпе. И повеле ему паки испити. Он же пит. Она же рече: «Равна ли убо си вода есть, или едина слажещи?» Он же рече: «Едина есть, госпоже, вода». Паки же она рече сице: «И едино естество женьское есть. Почто убо, свою жену оставя, чюжиа мыслиши!» Тои же человек, уведе, яко в ней есть прозрения дар, бояся к кому таковая помышляти.

Вечеру же приспевшу, начаша ставитися на брезе. Блаженныи же князь Петр яко помышляти начат: «Како будет, понеже волею самодержьства гоньзнув?»* Предивная же Феврония глагола ему: «Не скорби, княже, милостивый бог, творец и промысленник* всему, не оставит нас в нищете быти!»

На брезе же том блаженному князю Петру на вечерю его ядь готовляху. И потче повар его древца малы, на них же котлы висяху. По вечери же святая княгини Феврония, ходящи по берегу и видевши древца тыя, благослови, рекши: «Да будут сиа на утрии древие велико, имущи ветви и листвие». Еже и бысть. Вставши бо утре, обретоша тыя древца велико древие, имуще ветви и листвие. И яко уже хотяху людие их рухло вметати в суды с брега, приидоша же вельможа от града Мурома, ркуще: «Господи княже, от всех вельмож и ото всего града приидохом к тебе, да не оставиши нас сирых, но възвратиши на свое отечествие. Мнози бо вельможа во граде погибоша от меча. Кииждо их хотя державьствовати, сами ся изгубиша. А оставшии вси с всем народом молят тя, глаголюще: «Господи княже, аще и прогневахом тя и раздражихом тя, не хотяще, да княгини Феврония господьствует женами нашими, ныне

¹ Т. е. евангелист Матвей.

же с всеми дома своими раби ваю есмы, и хоцем и любим и молим, да не оставита нас, раб своих».

Блаженный же князь Петр и блаженная княгини Феврония възвратишася в град свои.

И беху державьствующе в граде том, ходяще в всех заповедех и оправданих господних бес порока, в молбах непрестанных и милостынях и ко всем людем, под их властию сущим, аки чадолюбивни отец и мати. Беста бо ко всем любовь равну имуще, не любяще гордости, ни грабленна, ни богатества тленнаго шадяще, но в бог богатеюще. Беста бо своему граду истинна пастыря, а не яко наемника. Град бо свои истинною и кротостию, а не яростию, правяще. Странныя приемлюще, алчныя насыщающе, нагиа одевающе, бедныя от напасти избавляюще.

Егда же приспе благочестное преставление ею, умолиша бога да в един час будет преставление ею. И совет сътворше, да будут положена оба въ едином гробе, и повелеша учредити себе въ едином камени два гроба, едину токмо преграду имущи между собою. Сами же въ едино время облекошася во мнишеския ризы. И наречен бысть блаженный князь Петр во иноческом чину Давид, преподобная же Феврония наречена бысть во иноческом чину Еуфросиниа.

В то же время преподобная и блаженная Феврония, нареченная Еуфросиниа, во храм пречистыя съборныя церкви своима рукама шиаше въздух*, на нем же бе лики святых. Преподобныи же и блаженный князь Петр, нареченный Давид, прислав к ней, глаголя: «О, сестро Еуфросиниа! Хошу уже отоити от тела, но жду тебе, яко да купно отоидем». Она же отрече: «Пожди, господине, яко дошню въздух в святую церковь». Он же вторицею послав к ней, глаголя: «Уже бо мало пожду тебе». И яко же третицею присла, глаголя: «Уже хошу преставитися и не жду тебе!» Она же остаточное дело въздуха того святого шиаше, уже бо единого святого риз еще не шив, лице же нашив и преста и вотче иглу свою в воздух и преверте нитью, ею же шиаше. И послав ко блаженному Петру, нареченному Давиду, о преставлении купнем. И помолився, предаста святаа своя душа в руце божии месяца июня в 25 день.

По преставлении же ею хотеста людие, яко да положен будет блаженный князь Петр внутрь града у соборныя церкви пречистыя богородицы, Феврониа же вне града в женстем монастыри у церкви Въздвигения честнаго и животворящаго креста, ркуще, яко «во мнишестем образе неугодно есть положити святых въ едином гробе». И учредиша им гроби особны и вложиша телеса их в ня: святаго Петра, нареченнаго Давида, тело вложиша в особныи гроб и поставиша внутрь града в церкви святаа богородицы до утрия, святаа же Февронии, нареченная Еуфросинии, тело вложиша в особныи гроб и поставиша вне града в церкви Въздвигения честнаго и животворящаго креста. Общии же гроб, его же сами повелеша истесати себе въ едином камени, оста тощ* в том же храме пречистыя съборныя церкви, иже внутрь града. На утрии же, вставше, людие обретоша гроби их особныя тщи, в ня же их вло-

жиста. Святая же телеса их обретоста внутрь града в соборней церкви пречистыя богородицы въ едином гробе, его же сами себе повелеша сътворити. Людие же неразумнии, яко же в животе о них мятущися, тако и по честнем ею преставлении: паки предложиша я в особныя гробы и паки разнесоша. И паки же на утрии обретошася святии въ едином гробе. И к тому не смеяху прикоснутися святем их телесем и положиша я въ едином гробе, в нем же сами повелеста, у соборныя церкви Рожества пресвятыя богородица внутрь града, еже есть дал бог на просвещение и на спасение граду тому: иже бо с верою пририщуше к раце* мощей их, неоскудно исцеление приемлют.